

В ЧИСТОМ осмысли в воздухе раздается перестук кремлевских курганов. Шесть мерных ударов. Новый день занялся над Москвой.

В стенах Художественного театра начинается жизнь. Первыми приходят режиссеры чистоты — полоторы, уборщики. Зорко следят за порядком сторож-уборщики И. Н. Максимов. Это один из ветеранов театра, в петшие его рабочей куртки почетный знак — «чайка».

В 8 часов утра. На сцене уже кипит работа. Выносятся декорации вчерашнего спектакля, убирается бутфория. Рабочие сцены спускают сверху холщовые и тюлевые пейзажи — осеннюю рощу, далекое озеро, леса моностроок. Электротехники проверяют огромные софиты, брызжащие пучками ослепительного света. На сцене устанавливаются «выгородки» для очередной репетиции.

Быстро движутся стрелки часов. В 10—11 часов утра в театр входят актеры, имена которых знает вся страна, — А. Тарасова, Б. Добрынин, К. Еланская, В. Топорков. Приходит художественный руководитель театра М. Н. Кларов. Актерский день начинается.

Взгляните на расписание репетиций, заботливо составленное Н. Ануринкой и Е. Чуйковой — работниками репертуарной конторы театра. Каждый час занят, все свободные комнаты использованы. Репетиции идут ежедневно в 10—12 помещений. Актеры не только работают над очередными ролями, они непрерывно учатся. Кто вызвал сегодня на занятии по постановке голоса? Д. Н. Орлов, Н. Н. Соснин — зрелые, опытные мастера. Какой поучительный пример для молодежи!

На маленьком столе почти непрерывно звонит телефон. Тридцать лет проработал с этим столом Ф. Н. Михайловский, помощник директора театра. Он не имеет с самого утра. Тепло ли в театре? Как идет покраска стен? Оставлены ли билеты

приезжим шахтерам? Он обо всем должен позаботиться.

Одиннадцать утра. Час, очень важный для зрителей. Ровно в одиннадцать касирша А. Д. Соболькова отворачивает окошечко, за которым она проработала 37 лет. Начинается продажа билетов. Сколько радости сулит каждому небольшой листик бумаги с изображением крылатой чайки!

Незаметно время подходит к четвертому часу. На сцене устанавливаются декорации к вечернему спектаклю. Быстро, точно, энергично работают С. М. Становая, И. Н. Дуляев, прослужившие на сцене МХАТ не одно десятилетие. Каждому деятелю театра отлично известно, что являет опытный машинист и хороший рабочий сцены, в какой мере обязан им спектакль своим ритмом.

К шести часам вечера приходят билетиеры, гардеробщики. На одно поколение москвичей помнят почтенного И. И. Дмитриева. Ему 80 лет, но он и не думает уходить из работы, расставаться с театром. Ведь в этих стенах прошла вся его жизнь.

В 7.30 двери театра открываются для публики. Всегда переступаешь его порог с каким-то особенным волнением. Атмосфера душевного уюта, внутренней сосредоточенности охватывает вас. «Театр должен начинаться с вешалки», — не раз говорил Станиславский. Присмотритесь, с какими достойным вниманием встречает посетителей гардеробщики А. С. Милатин, проработавший здесь три десятилетия.

Стрелка близится к восьми. Слово улей, гудит зрительный зал. Еще неподвижны складки занавеса. Замерла чайка на нем. Скоро, скоро начнется!.. Но привычному взгляду москвича-театрала чего-то словно недостает. Ага! Вот в боковом проходе

появился старый билетиер П. П. Морозов, окуная приветливым, хозяйским взглядом ряды зрителей. В дверях партера появился Ф. Н. Михайловский. Теперь все в порядке! Потускнели, померкла лампа. Дрогнул и медленно поплыл занавес.

На сцене... Впрочем, мы не будем рассказывать о том, что происходит на сцене. Столкновение из идей в поступках в «Глубокой разведке», беспримерно ли мужество защитников Сталинграда в «Победителях», трагедия для поприща женской любви в «Последней жертве»... Мы хотим увести читателя за черту рамы, за кулисы, приткрыть занавес над тайнами театра, рассказать о незримых участниках спектакля.

Спустимся по каменным ступенькам вниз. Мы — под сценой. Массивные чугунные шпалы, поддерживающие пол сцены, напоминают голые стволы деревьев. Поблескивает в полумраке огромный, в человеческий рост колокол. Его набат слышен на вокзаре в «Трех сестрах», он торжественно гудит в «Царе Федоре». Но это, так сказать, земной, реальный звук. А голоса стихий — вой ветра, раскаты грома, шум дождя? Они тоже «спрятаны» здесь, послушно ждут своего часа. Кто сказал, что гром гремит только во время грозы? Его в любую минуту может вызвать к жизни В. А. Попов, маг и волшебник театальных шумов. Актер крупного дарования, он наярывает работу на сцене десятилетия себя самому в тонкому компоненту спектакля — звуку, создал обширную «палитру» театральных шумов.

Свет в Художественном театре! Вспомните знаменитые, проступающие сквозь тюлевые занавесы рассветы «Винцавого сада». А неосторожный, похожий на жидкое серебро свет северной белой ночи в «Волнах», а пронизанный солнцем дождливый сарай

в «Глубокой разведке», а сказочно-переливающаяся гамма света в «Двенадцати месяцах»!.. Вот в созвездии чудесных световых симфоний — И. И. Гудков. Это о нем писал Станиславский: «Друзьям являются в счастье. Когда все тихо и благополучно — Ивана Ивановича Гудкова не видно. Стрелась беда — он уже здесь, в первом ряду!».

Продем еще наже. Мало кто знает, что под всем партером Художественного театра тинутся, словно сказочные владения, алаяния бутфоры. Вы увидите наивные деревянные кроватки Тильды и Митяи, кресло царя Федора, сохранившую мебель из «Русского вопроса».

Осторожно, чтобы не помешать музыкантам, настраивающим свои инструменты, и не посягнуть на глаза заведующему музыкальной частью театра Б. Л. Израильскому — сторожащему режиссеру порядка, — возвращаясь на сцену, проходим в комнату, где хранятся режиссерские бесчисленные чары, ковны, кубки, пандалы, гродия привагды, азы, бумажки цветов. Надзирает за всеми этим богатством В. И. Горюнов, тридцать лет проработавший в театре. Здесь свои секреты. Улыбаясь, снимает старый режиссер со стены бронзовые браслеты с драконшими хрустальными подвесками, а при ближайшем рассмотрении хрусталь оказывается... искусно выгнутой жемчужной.

Мимо значительного сценического диванчика, который Станиславский называл «святым местом» (здесь актер может прерваться перед выходом на сцену, здесь его никто не смеет беспокоить), проходим в узкий коридор. Он чем-то напоминает парадокс с дверями кают. Тут артистические уборные... Тесная клетчатка, небольшие окошки, плотная штора. На стенах множество портретов с востор-

женными словами любви и благодарности. Мы — в артистической уборной Василия Ивановича Качалова. Сколько раз отражало это зеркало в черной фраке Чацкого, испитое лицо горьковского Барона, ахочные глаза Гамлета, косматую бороду сибиряка Вершинина... Сколько раз клал грим на лицо великого актера художник-гример М. Г. Фалеев, отдавший вместе со своей женой А. Г. Фалеевой родному театру всю жизнь — она пришла в театр еще подростком, гримировала в мерном, лютонтом здании «Эрмитажа» в Каретном ряду участника первого спектакля «Царь Федор».

В полной неприкосновенности сохраняет театр артистическую уборную К. С. Станиславского. Как гордо в скромно адепс Перед большим зеркалом стоит кресло с отороченной обивкой. Константин Сергеевич никак не соглашался переменить ее — привык. На стене портрет В. И. Непровича-Данченко с его авторской. Трогательные, глубокие слова: «Слишком неразрывно сплелись наши жизни».

Окна уборной выходят на двор театра. Там еще сохранился старый каретный сарай, где когда-то работали столяры и художники театра. Надвигается новое здание с огромными окнами. Оно построено 15 лет назад под наблюдением самого Станиславского. Здесь помещаются художественно-производственные мастерские театра, которыми руководит И. Я. Гренишевский, великий знаток своего дела, выросший в воспитании в атмосфере МХАТ. Тут и создаются все те «чуждые», которые пленяют нас на сцене лучшего театра страны. Постановщику потребовалась для спектакля дорожная грязь с колеями и рытвинами? Пожлуйста! Из ваты и марля, искусно подкрашенных, он получает здесь любую ее количество. В «Любовь Ярыной» на сцене должен быть настоящий автомобиль? Вот он стоит здесь, еще в первобытном виде, умелое сколоченный из простой фанеры,

Пройдет несколько часов, и фанера приобретет нужный оттенок, засверкают фары, блеснет металлическая ручка. А пока, удобно усеившись в его деревянном кузове, беззаботно уплывает огромный дощатый хлеб русоволосый пареня. Почем знать, — проедут годы, и сам он станет таким же мастером на все руки, как — Г. А. Чернов, руководитель общедвордаторской мастерской, выросший из простых столяров. Готовые декорации поднимаются наверх через люк, там они складывают в художники. Их умелые кисти превращают обыкновенную фанеру в фасады каменных домов, кирпичные стены, старинные крестовые валы...

А кто создает бутфория, который лубедем мы на спектаклях? Это дело рук Г. Г. Лопатина и его помощников. Сорол лет прослужил Герман Григорьевич в театре. Он пришел сюда совсем молодым, а тот момент, когда Станиславский готовил «Синюю птицу». В восстановочной части театра работала тогда горсточка людей. Молодому мастеру все показало чудесным, необыкновенным.

— Константин Сергеевич сам входил во все мелочи постановки, — вспоминает Лопатин. — Часто давал очень ясные и полезные советы. Он был необыкновенно изобретателен...

Особенно увлекает Г. Г. Лопатина создание мебели в утвари разных стилей и эпох. Как-то для спектакля «Николай I» в декорбисты в театр были привезены подлинная стальная мебель из какого-то дворца. Но, увы! На сцене она «потерялась» — сцена имеет свои законы. Тогда В. И. Непрович-Данченко решил создать нужную мебель своими силами. Лопатин горячо занялся делом. С замигающим сердцем вынес он на сцену первое пробное кресло. Требоудельный Владимир Иванович остался очень доволен:

— А ведь недурно, даже очень хорошо!

Кто из актеров МХАТ не советовался о своем сценическом костюме

с М. Ф. Репяевой? Вот уже четверть века работает она в театре.

— Нередко поздно вечером, а то и ночью, — рассказывает М. Ф. Репяева, — а мою рабочую комнату заходил Константин Сергеевич и лично делал указания по тому или иному костюму, вникал в каждую мелочь...

Могло ли быть иначе в театре, где все подчинено единому творческому замыслу? Эти великие традиции живут в нас. Долгими часами размышляет М. Н. Кларов над новыми макетами, шьет, отвергает, изменяет. Это происходит здесь, наверху, на маленьком деревянном помосте, куда надо взобраться по узкой лесенке. Здесь рождается ядро, основной замысел оформительского решения спектакля. Отсюда он поступает к таким знатокам сцены, как И. Я. Гренишевский и В. В. Шверубович, и опытным инженерам Б. Э. Яншевскому и А. В. Косовскому, к великодушному мастеру обойного дела Д. А. Ключинову, к художникам П. Д. Сенаторову, С. П. Гуляеву и их товарищам и, наконец, приходит на сцену.

...Главное, что поражает каждого, кто знакомится с закулисной жизнью Художественного театра, — это общая творческая устремленность, дружный ритм единого ансамбля, в который вложены все работники театра. Здесь нет равнодушных. Каждый — от ведущего актера до гардеробщицы, от художественного руководителя до рабочей уборщицы — с энтузиазмом, увлечением, бескорыстной любовью отдает свои силы театру. И особенно понятными и значительными становятся слова К. С. Станиславского, которые в юбилейные дни всплывают на фасаде театра:

— Как отраднo работать для своего народа в тесном с ним общении...

С. Богомазов.

Ответственный редактор
Г. А. МЕЩЕРЯКОВ.